

Глагольная морфология первого печатного памятника тверской карельской письменности

Новак Ирина Петровна, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); novak@krc.karelia.ru

В статье представлен обзор системы глагольного словоизменения брошюры «Переводъ нѣкоторыхъ молитвъ и сокращеннаго катихизиса на Корельскій языкъ» 1804 г. Для спрягаемых форм описаны лично-числовая категория, время, наклонение и отрицательные формы, для склоняемых — схема образования инфинитивов и причастий. Их сопоставление с данными середины XX в. по говорам Тверской Карелии из диалектной базы карельского языка Murreh подтвердило возведение языка-источника перевода к собственно карельским говорам Центральной России. К выявленным архаизмам относятся: полная форма II причастия актива; употребление аффикса имперфекта с кратким *-и/-ы*; использование форманта 3-го лица единственного числа презенса индикатива *-въ*; выражение значения 3-го лица единственного числа презенса индикатива формой 2-го лица единственного числа в глаголах конкретного словоизменительного типа. Определенные инновации (отсутствие окончаний 1-го лица множественного числа с одиночным согласным в составе, лабиализация конечного гласного *e* основы глагола в положении перед показателем III инфинитива *-ма-/-ма-*) характеризуют то юго-западные, то северо-восточные группы толмачевских говоров. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что источником перевода выступил переходный между двумя толмачевскими группами говор. Кроме того, они могут указывать на изменения, произошедшие в диалектной системе региона за последние два столетия.

Ключевые слова: карельский язык, тверские карелы, памятник письменности, диалектология, история языка, морфология, глагольное словоизменение

VERBAL MORPHOLOGY OF THE EARLIEST PRINTED PIECE OF TVER KARELIAN WRITTEN LANGUAGE HERITAGE

Irina P. Novak, Institute of Linguistics, Literature and History of KarRC RAS (Petrozavodsk),
Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); novak@krc.karelia.ru

The article provides an overview of the verbal inflection system found in the pamphlet dated 1804 “Translation of some prayers and the shorter catechism in the Karelian language”. The person-number category, tense, mood, and negative forms are described for the conjugated forms and the infinitive and participle formation patterns for the declined forms. A comparison against data on mid-20th century sub-dialects of the Tver Karelian region taken from the Karelian dialectal database Murreh supports the attribution of the source for the translated text as a sample of a Karelian Proper variant of Central Russia. The identified archaisms include: full form of the active 2nd participle, use of the imperfect affix with a short *-i (u) / -y (ы)*, use of the formant of the 3rd person singular of the present indicative *-въ*, use of 2nd person singular to express 3rd person singular of the present indicative in verbs of a certain inflectional type. The innovations identified during the study (no 1st person plural endings with a single consonant, labialization of the final vowel *e* of the verb stem in the position before the marker of the III infinitive *-ma-/-ma-*) characterize either the south-western or north-eastern groups of Tolmachy sub-dialects. The results suggest that the source for the translation was probably a variant transitional between two Tolmachy sub-dialect groups. They also may indicate how the region’s dialectal system has been evolving during the past two centuries.

Keywords: Karelian, Tver Karelians, written language heritage, dialectology, history of language, morphology, verbal inflexion

1. Введение

Настоящая статья посвящена анализу системы глагольного словоизменения первого печатного переводного текста на говоре карельского языка Верхневолжья — брошюры «Переводъ нѣкоторыхъ молитвъ и сокращеннаго катихизиса на Корельскій языкъ» 1804 г. [Перевод некоторых молитв 1804]. Аннотированный текст, конкорданс и морфологический словарь¹ памятника опубликованы на сайте лингвистической платформы ЛингвоДок [Lingvodoc 2012—2025]. Произведенные ранее графо-фонетический и фонологический анализ языка перевода [Новак 2025в], а также детальный обзор его именной морфологии [Новак 2025а] позволили отнести диалектную основу источника к юго-западной половине толмачевской группы говоров южного диалекта собственно карельского наречия карельского языка, т. е. к говорам центральных районов современной Тверской области. Об этом в первую очередь говорят такие яркие междиалектные сопоставительные явления карельской диалектной речи в области фонологии и морфологии, как дифтонгизация долгих гласных ударного слога, отсутствие сужающихся дифтонгов на *-i в именах на *-ise, система расширяющихся дифтонгов, регрессивная лабиализация заударного гласного e, оппозиция согласных по глухости/звонкости, сокращение постсонорных геминат, отсутствие метатезы nh, дистрибуция переднеязычных щелевых согласных, отдельные виды радикального чередования ступеней согласных (см. [Новак 2025в]).

Актуальность данного исследования обусловлена отсутствием комплексных описаний глагольных словоизменительных систем старокарельского периода (XVII—XIX вв.), что является существенным препятствием для углубленного изучения исторической морфологии и диалектологии карельского языка.

Карельский глагол характеризуется наличием финитных (спрягаемых) и инфинитных (склоняемых) форм. Спрягаемые формы содержат следующий набор грамматических категорий: лицо-число, время и наклонение. К спряжению также относится образование отрицательных форм. Общее значение словоформ определяется совокупностью составляющих ее элементов, поэтому парадигматические ряды включают не только синтетические, но и аналитические формы [Адель 1995: 4], например сложные временные конструкции. Инфинитивы и причастия, представляющие разряд склоняемых форм, изменяются по падежам и числам (только причастия), а причастия содержат также грамматические признаки залога и времени. Глагольные формы образуются путем присоединения словоизменительных показателей к лексической основе глагола. Индикатив и презенс обладают нулевыми аффиксами, выделение которых в процессе глоссирования соответствующих словоформ в рамках настоящего исследования не производится.

Важно добавить, что ключевую роль в глагольном словоизменении карельского языка играет тип лексической основы глагола (части слова без словоизменительных аффиксов). Выделение типов базируется на таких аспектах, как количество слогов, конечная огласовка, изменение конечных гласных и, самое главное, наличие одной или двух основ. В процессе словоизменения одноосновных глаголов грамматический показатель присоединяется к единственно возможной гласной основе (оканчивающейся на одиночный гласный или дифтонг), тогда как при словоизменении двуосновных глаголов в одних формах выступает согласная основа (оканчивающаяся на согласный звук), остальные же формы образуются путем присоединения показателей к гласной основе. Существенное место в процессе словоизменения занимает и альтернация согласных, заключающаяся в выпадении или замене смычно-взрывных согласных компонентов основы, выступающих в интервокальном или постконсонантном положении. Таким образом, при словоизменении одноосновных глаголов показатель присоединяется к сильной или слабой гласной основе (например, *anna-n* ‘давать-1SG’, *anda-kkua* ‘давать-IMP.2PL’), а при словоизменении двуосновных глаголов в части форм выступает гласная основа (сильная или слабая), а в части — согласная (всегда слабая) (например, *rubie-n* ‘начинать-1SG’, *ruvek-kua* ‘начинать-IMP.2PL’).

Памятник содержит почти 500 глагольных лексем, что составляет пятую часть от общего объема (ок. 2,5 тыс. слов). Соотношение финитных и инфинитных форм распределяется как 55 % к 45 %.

Данные источника сопоставлены с выводами по истории развития грамматической системы карельского языка [Новак 2025б], а также с материалами по глагольной морфологии (ок. 200 вопросов) тверских карельских говоров [Программы 1957—1959]² из диалектной базы карельского языка Murreh [Murreh 2022]. Речь идет о диалектологических вопросниках, заполненных в 60 населенных пунктах Калининской (ныне Тверской) области.

¹ <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11306/17/perspective/11306/21/view>, <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11429/2/perspective/11429/3/view>, <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11430/2/perspective/11430/3/view>

² http://murreh.krc.karelia.ru/ques/anketas?search_fond_number=&search_year=&search_district=&search_place=&limit_num=212

2. Финитные формы глагола

Сложение спрягаемых форм глагола в собственно карельском наречии происходит по следующей схеме: лексическая основа + показатель времени (при наличии) или показатель наклонения (при наличии) + лично-числовое окончание (при наличии). Для выражения 3-го лица множественного числа используется форма имперсонала. Выделение категории залога для финитных форм не производится.

2.1. Лично-числовые формы глагола

Для карельской морфологии характерно наличие шести лично-числовых форм: 1, 2 и 3-е лицо в единственном и множественном числе.

В языке памятника зафиксированы все лично-числовые формы единственного числа презенса индикатива, 1-го и 3-го лица единственного числа имперфекта кондиционала, 2-го и 3-го лица единственного числа имперфекта индикатива, а также формы 1-го и 3-го лица множественного числа презенса индикатива, 1-го лица множественного числа имперфекта кондиционала и 3-го лица множественного числа имперфекта индикатива (см. таблицу 1).

Таблица 1. Образование лично-числовых форм

Форма	Показатель	Примеры
1SG	-нъ (36) ³	PRS.IND: анна-нъ 'давать-1SG', куўйдале-нъ 'слушаться-1SG', кавю-нъ 'ходить-1SG', оле-нъ 'быть-1SG', ота-нъ 'брать-1SG', нїе-нъ 'держать-1SG', таго-нъ 'хотеть-1SG', тойво-нъ 'желать-1SG' (литер. <i>anna-n, kuunde-le-n, kävy-n, ole-n, ota-n, pie-n, taho-n, toivo-n</i>); PST.COND: ол-изи-н 'быть-COND-1SG' (литер. <i>ol-izi-n</i>)
2SG	-мъ (19)	PRS.IND: вайга-мъ 'менять-2SG', вой-мъ 'мочь-2SG', мюо-мъ 'продавать-2SG', ота-мъ 'брать-2SG', оиша-мъ 'покупать-2SG', нїе-мъ 'держать-2SG', таго-мъ 'хотеть-2SG', тойво-мъ 'желать-2SG' (литер. <i>vaiha-t, voi-t, myö-t, ota-t, ošša-t, pie-t, taho-t, toivo-t</i>); PST.IND: түл-и-мъ 'приходить-PST-2SG', ша-й-мъ 'рожать-PST-2SG' (литер. <i>tul-i-t, ša-i-t</i>)
3SG	-въ (108)	PRS.IND: куўло-въ 'слушать-3SG', онашма-въ 'учить-3SG', рүбіе-въ 'начинать-3SG', юо-въ 'пить-3SG', кашкїо-въ 'просить-3SG', нагїо-въ 'видеть-3SG', пида-въ 'держать-3SG', ела-въ 'жить-3SG' (ср. литер. <i>kuulo-u, opašta-u, rubie-u, juo-u, käškö-y, nägö-y, pidä-y, elä-y</i>); PST.IND: андо-0 'давать-PST-3SG', елавдо-0 'ожить-PST-3SG', лүади-0 'делать-PST-3SG', когенд-ы 'исправлять-PST-3SG', куол-и 'умирать-PST-3SG', новж-и 'подниматься-PST-3SG', ол-и 'быть-PST-3SG', отм-ы 'брать-PST-3SG', рүбе-й 'начинать-PST-3SG' (литер. <i>ando, eläydy, luadi, kohend-i, kuol-i, nouz-i, ol-i, ott-i, rube-i</i>); PST.COND: тахмо-йсь 'хотеть-COND-3SG' (литер. <i>tahto-is</i>)
1PL	-мма/ -мма (5)	PRS.IND: нїа-мма 'видеть-1PL', аммале-мма 'оставлять-1PL' (литер. <i>niä-mmä, jättele-mmä</i>); PST.COND: ела-зи-мма 'жить-COND-1PL', рүада-зи-мма 'работать-COND-1PL', мїеда-зи-мма 'знать-COND-1PL' (литер. <i>elä-zi-mä, ruada-zi-mä, tiedä-zi-mä</i>)
3PL	-хъ (12)	PRS.IND: одноосновные глаголы: күчү-та-хъ 'звать-IMPERS-3PL', юогуттүаче-та-хъ 'вспоминаться-IMPERS-3PL', кашкїе-та-хъ 'просить-IMPERS-3PL', аммїеце-та-хъ 'оставляться-IMPERS-3PL' (литер. <i>kuči-ta-h, juohuttuače-ta-h, käški-e-tä-h, jättiäče-tä-h</i>); двусосновные глаголы: вой-а-хъ 'мочь-IMPERS-3PL', кумаррел-ла-хъ 'молиться-IMPERS-3PL', лїе-та-хъ 'стать-IMPERS-3PL', ол-ла-хъ 'быть-IMPERS-3PL' (литер. <i>voi-ja-h, kumarrel-la-h, lie-tä-h, ol-la-h</i>); PST.IND: ела-мм-и-хъ 'жить-IMPERS-PST-3PL', шюіо-д-и-хъ 'есть-IMPERS-PST-3PL' (литер. <i>ele-tt-i-h, šyö-d-i-h</i>)

Лично-числовые окончания 1-го и 2-го лица присоединяются к слабой основе одноосновных глаголов или гласной основе двусосновных, а также к словоизменительной основе имперфекта индикатива или кондиционала. Образование данных форм в тексте анализируемого источника практически не отличается от современного представительства категорий в толмачевских говорах карельского языка, а следовательно, и в его нормированном варианте. Однако для возможностного наклонения в новописьменном языке принято использование в формах 1-го лица множественного числа показателей с одиночным со-

³ В скобках указано число фиксаций показателя в соответствующей глагольной форме в тексте памятника.

гласным компонентом в составе (*ruada-zi-ma* ‘работать-COND-1PL’), а не геминированным, как это представлено в переводе (*pyada-zi-mma*). Диалектные данные демонстрируют, что употребление показателя с геминированным согласным характеризует главным образом северо-восточную половину толмачевских говоров (говоры Лесного и севера Максатихинского районов), а также угасшие к настоящему моменту говоры бывшего Есиновичского района⁴. Очевидно, здесь речь идет о поздней инновации, поскольку наличие двух вариантов лично-числовых показателей характеризует основную часть собственно карельских говоров. Нельзя, однако, исключать, что сама тенденция к слиянию этих вариантов может являться результатом влияния на говор будущих карелов-переселенцев со стороны древнеливвиковского наречия (см. [Новак 2025б: 327]).

Лично-числовым окончанием 3-го лица единственного числа презенса индикатива в тексте памятника выступает *-въ*, следующий за сильной гласной основой глагола и вызывающий лабиализацию ее конечного гласного *e* (*лїенїо-въ* ‘стать-3SG’, ср. *лїене-тъ* ‘стать-2SG’). Примеры, демонстрирующие использование окончаний *-хъ* (*тїеда-хъ* ‘знать-3SG’) и *-бъ* (*түо-бъ* ‘приносить-3SG’), очевидно, следует относить к ошибкам типографского набора.

В грамматике новописьменного варианта тверского карельского языка для данной формы принято окончание *-u/-y* [Gromova 2022: 215], что характеризует большую часть толмачевских говоров карельского языка [Новак 2025б: 322—323]. Формант возводится к праязыковому **-vi*, который в процессе развития утратил гласный компонент, вокализовался и получил переднерядный алломорф (**vi > *v > w > u > u/y*) [Зайков 2000: 51—57]. Материал памятника, таким образом, может расцениваться как подтверждение первоначального облика окончания.

Самый частотный глагол *olla* ‘быть’ в форме 3-го лица единственного числа презенса индикатива в переводе представлен в традиционной стяженной форме *онъ* (40 фиксаций).

В материалах источника единожды зафиксировано явление, типичное для карельского языка (см. [там же: 55—56]): использование окончания 2-го лица единственного числа *-тъ* в качестве показателя 3-го лица единственного числа презенса индикатива у односложных глаголов с нисходящими дифтонгами в основе: *Кенъ оттамизешта пюгїе гавкуттү войтъ олла?* ‘Кто от причащения возбранен **может** быть?’ В нормированном варианте языка для данного глагола принято употребление формы *voičšou*, демонстрирующей широкую распространенность в толмачевских говорах, за исключением отдельных периферийных идиомов, где сохранился вариант *voit*⁵.

В 3-м лице единственного числа имперфекта индикатива и кондиционала грамматическая форма представлена нулевым окончанием.

Форма 3-го лица множественного числа образуется при помощи лично-числового окончания *-хъ*. Данный формант возводится к праязыковому **-zen* (в презенсе) / *-hen* (в имперфекте). Считается, что имперфектное окончание с компонентом *h* обобщилось во всех временных формах, а затем подверглось сокращению [Nakulinen 1979: 240—241]. В презенсе индикатива двусложных и исторически двусложных (с односложной лексической основой, например *вой-а-хъ* ‘мочь-IMPERF-3PL’) глаголах показатель присоединяется напрямую к форме I инфинитива, совпадающей со слабоступенной формой имперсонала. В односложных глаголах с многосложной основой здесь используется слабоступенный аффикс имперсонала *-та/-та-*, который присоединяется к слабой гласной лексической основе слова, а за ним уже следует лично-числовое окончание (например, *кучү-та-хъ* ‘звать-IMPERF-3PL’). В тексте зафиксированы два случая, где показатель имперсонала присоединяется не к лексической основе, а к форме I инфинитива односложных глаголов на *їе* (например, *кашкї-е-та-хъ* ‘просить-INF-IMPERF-3PL’), что выделяет тверские, валдайские и кемско-беломорские говоры на фоне всех остальных собственно карельских [Новак 2025б: 330—331]. В имперфекте индикатива используются сильноступенные аффиксы имперсонала (*-д-* и *-тт-* соответственно: *шюїо-д-и-хъ* ‘есть-IMPERF-PST-3PL’, *еле-тт-и-хъ* ‘жить-IMPERF-PST-3PL’). Важно также обратить внимание на то, что присоединение показателя имперсонала к лексической основе односложных глаголов вызывает переход ее конечных гласных *[a]* и *[ä]* в *[e]* (ср. *еле-тт-и-хъ* ‘жить-IMPERF-PST-3PL’ и *ела-въ* ‘жить-3SG’).

На возможность выделения при глоссировании лично-числового окончания 3-го лица множественного числа *-хъ*, а не окончаний *-тахъ/-тахъ*, *-ахъ*, *-лахъ*, *-ттихъ*, *-дихъ* (т. е. в комплексе с формантами имперсонала и имперфекта) указывают примеры использования окончания *-h*, присоединяющегося к показателю имперфекта, следующему напрямую за лексической основой глагола: *käške-i-h/käske-i-h* ‘просить-PST-3PL’, *luge-i-h* ‘читать-PST-3PL’. Подобные случаи зафиксированы в говорах собственно карельского и ливвиковского наречий карельского языка⁶.

⁴ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2324/map>, <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2325/map>

⁵ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1226/map>

⁶ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1277/map>, <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1276/map>

Образование формы 3-го лица множественного числа в тексте перевода полностью соответствует диалектным нормам, зафиксированным для тверских карельских говоров.

Отрицательные формы спряжения в презенсе индикатива образуются с помощью отрицательного глагола *ei/ei* ‘нет’, имеющего те же лично-числовые окончания, что и утвердительные формы, и коннегativa, представленного гласной основой глагола, например *енъ шано* ‘не скажу’, *енъ луаи* ‘не сделаю’, *емма нїа* ‘не видим’, *ей ліене* ‘не будет’, *ей каише* ‘не велит’ (литер. *en šano*, *en luaji*, *emtä niä*, *ei liene*, *ei käšše*), что не обнаруживает отличий по сравнению с современным состоянием языка.

2.2. Время

Для глагольной словоизменительной системы карельского языка характерно противопоставление презенса, не имеющего собственного показателя, формам прошедшего времени — имперфекту, перфекту и плюсквамперфекту. Наиболее полно категория времени раскрыта в индикативе.

В анализируемом памятнике используется показатель имперфекта, имеющий три алломорфа — *-u/-й/-ы*, а также нулевой аффикс, например *тул-и-тъ* ‘приходить-PST-2SG’, *куол-и* ‘умирать-PST.3SG’, *ша-й-тъ* ‘рожать-PST-2SG’, *рубей-й* ‘начинать-PST.3SG’, *когенд-ы* ‘исправлять-PST.3SG’, *отт-ы* ‘брать-PST.3SG’, *андо-0* ‘давать-PST.3SG’, *славдю-0* ‘ожить-PST.3SG’, *еле-тт-и-хъ* ‘жить-IMPERS-PST-3PL’ (литер. *tul-i-t*, *kuol-i*, *ša-i-t*, *rube-i*, *kohend-i*, *ott-i*, *ando*, *eläydy*, *ele-tt-i-h*). Формант присоединяется к гласной основе глагола (в форме 3-го лица множественного числа — к основе имперсонала), после чего следует лично-числовое окончание. Показатель имперфекта отпадает в формах 3-го лица единственного числа в положении после одиночных лабиализованных гласных *о*, *ю* и гласного *и* лексической основы одноосновных глаголов, что свойственно всем собственно карельским говорам.

Отдельные примеры из текста демонстрируют возможные изменения конечного гласного компонента лексической основы глагола в результате присоединения аффикса имперфекта:

- *a > o* в глаголах с двусложной гласной основой на *a*-, если первый слог содержит гласный *a* или включающие его дифтонги, например *андо-0* ‘давать-PST.3SG’ (ср. *анна-нь* ‘давать-1SG’);
- *a > o* в остальных глаголах с гласной основой на *a*-, например *отт-ы* ‘брать-PST.3SG’ (ср. *ота-нь* ‘брать-1SG’);
- *e > o*, например *ол-и* ‘быть-PST.3SG’ (ср. *оле-нь* ‘быть-1SG’);
- *VV > V*, например *рубей-й* ‘начинать-PST.3SG’ (ср. *рубїе-нь* ‘начинать-1SG’). Использование показателя имперфекта *-й-* в словоформах стяженных глаголов, как в последнем примере, является характерной особенностью, выделяющей диалекты Центральной России на фоне остальных собственно карельских (см. [Новак 2025б: 333—335]).

Форма 3-го лица множественного числа имперфекта образуется от особой основы, содержащей сильноступенный показатель имперсонала, присоединение форманта имперфекта к которому вызывает чередование гласных [a]/[ä]: *0*, например *еле-тт-и-хъ* ‘жить-IMPERS-PST-3PL’ (ср. *каикїе-та-хъ* ‘просить-INF-IPERS-3PL’ или литер. *ele-tä-h* ‘жить-IMPERS-3PL’).

Сопоставление категории с ее представителем в нормированном варианте языка не выявило каких-либо отличий. Однако диалектные материалы в сравнении с данными памятника демонстрируют использование на месте одиночного гласного показателя имперфекта (например, *тул-и-тъ* ‘приходить-PST-2SG’) сужающегося дифтонга [ij] в большей части толмачевских говоров (кроме отдельных периферийных и центральных), например *kiän-ii-t* ‘повернуть-PST-2SG’⁷. Отсутствие фиксаций сужающегося дифтонга в анализируемой словоформе, в показателях кондиционала (см. раздел 2.3)⁸, а также в наречиях типа *гювинъ* ‘хорошо’ (ср. диалектное *hyvii* [СКЯ: 62]), очевидно, отражает историческое состояние говора, зафиксированное в памятнике.

Использование перфекта и плюсквамперфекта, образуемых при помощи лично-числовых форм глагола *olla* ‘быть’ и II причастия актива/пассива, в современных карельских говорах Центральной России сведено к минимуму, что объясняется сильным влиянием грамматической системы русского языка [Зайков 2000: 157, 160]. В тексте перевода сложные временные формы также редки (перфект — 6 фиксаций, плюсквамперфект — 1) и представлены главным образом пассивными конструкциями, например: ...*міе кирикїошта енъ оле ероннутъ* (перфект, отриц.)... ‘...я от церкви не разлучен...’; *Кумбане ристинъ пїалла рипутетту оли мїанъ нейчи понтїйской пилатанъ айгахъ, люїодю и каткїеттїю* (плюсквамперфект)... ‘Распятого же за нас при Понтийском Пилате, и страдавшего, и погребенного...’; ...*а же кайки люгюолди онъ кїрютеттїю* (перфект) *тїедавїюкиешїа вїеронъ рїссїтїюзїенъ*... ‘...а кратко все то заключено в Символе веры нашей православной...’.

⁷ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2306/map>

⁸ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/2027/map>

2.3. Наклонение

Для карельского языка в целом характерно наличие четырех наклонений: прямого — индикатива и трех косвенных — императива, кондиционала и потенциала.

Однако в тексте перевода не зафиксировано ни одного примера употребления потенциала. Нужно отметить, что семантическая близость кондиционала и потенциала, а также влияние грамматической системы русского языка привели к тому, что в современных собственно карельских говорах Центральной России условное наклонение приняло на себя функции возможностного, и потенциал, соответственно, практически вышел из употребления (см. [Зайков 2000: 174, 247]). Сейчас обнаружить примеры использования возможностного наклонения здесь уже не удастся. При этом, если информант слышит предложение с формой потенциала, определение его модальной семантики не вызывает у него затруднений. Это позволяет предположить, что категория могла быть на слуху у носителей языка в детстве, т. е. в какой-то степени еще функционировала в середине XX в. Примеры употребления потенциала в объемных памятниках тверской карельской письменности 1820 г. (переводы Евангелий от Матфея и Марка) [Тверские переводные 2020] являются свидетельством того, что возможностное наклонение было живой грамматической категорией в начале XIX в., тем не менее в анализируемом источнике оно отражения не нашло.

В памятнике представлено пять примеров форм **кондиционала**, которые демонстрируют три алломорфа показателя условного наклонения, присоединяющиеся к сильной гласной основе глагола:

- *-зи-* — используется с многосложными одноосновными глаголами на любой краткий гласный, кроме *e*: *єла-зи-мма* ‘жить-COND-1PL’, *руада-зи-мма* ‘работать-COND-1PL’, *тіеда-зи-мма* ‘знать-COND-1PL’ (литер. *elä-zi-mä, ruada-zi-ma, tiedä-zi-mä*);
- *-изи-* — употребляется с глаголами остальных словоизменительных типов; при этом происходит переход *e > o*: *ол-изи-н* ‘быть-COND-1SG’ (литер. *ol-izi-n*);
- *-йсь* — выступает как показатель кондиционала в форме 3-го лица единственного числа: *тахто-йсь* ‘хотеть-COND.3SG’ (литер. *tahto-is*).

Императив в карельском языке обладает отличными от остальных наклонений лично-числовыми окончаниями. В тексте перевода повелительное наклонение представлено исключительно формами 2-го лица единственного числа (44 фиксации), не имеющими формального показателя (нулевой формант) и совпадающими, как и в современных говорах и нормированной грамматике, со слабой основой одноосновных и гласной основой двуосновных глаголов, например:

- положительные формы: *віа-0* ‘отнеси-IMP.2SG’, *кууделе-0* ‘слушай-IMP.2SG’, *мүйса-0/мүйсса-0* ‘помни-IMP.2SG’, *мүйсута-0* ‘вспоминай-IMP.2SG’, *ота-0* ‘возьми-IMP.2SG’, *ніашиа-0* ‘отпусти-IMP.2SG’, *руа-0* ‘работай-IMP.2SG’, *ата-0* ‘оставь-IMP.2SG’ (ср. литер. *vie, kuundele, muissa, muissuta, ota, piäššä, rua, jätä*);
- отрицательные формы: *єла анна-0* ‘не давай-IMP.2SG’, *єла гейта-0* ‘не оставляй-IMP.2SG’, *єла кумардуче-0* ‘не кланяйся-IMP.2SG’, *єла луаи-0* ‘не делай-IMP.2SG’, *єла майниче-0* ‘не упоминай-IMP.2SG’, *єла таго-0* ‘не желай-IMP.2SG’, *єла тапа-0* ‘не убивай-IMP.2SG’, *єла віа-0* ‘не кради-IMP.2SG’ (литер. *elä anna, elä heitä, elä kumarduače, elä luaji, elä mainiče, elä taho, elä tapa, elä vie*).

3. Инфинитные формы глагола

Именные формы глагола карельского языка представлены инфинитивами, совмещающими признаки глагола и существительного, и причастиями, обладающими признаками глагола и прилагательного. При словоизменении инфинитивов и причастий действует формула: лексическая основа + показатель причастия/инфинитива + показатель множественного числа (у причастий, при наличии) + падежное окончание (при наличии).

3.1. Инфинитивы

В карельском языке, как и в финском, выделяют три инфинитива: I (А-инфинитив), II (Е-инфинитив) и III (МА-инфинитив) [VISK 2008, § 120—122]. Все три формы представлены в анализируемом памятнике тверской карельской письменности. Наиболее частотными (151 фиксация) являются формы **I инфинитива** (см. таблицу 2).

Выявленные в тексте перевода показатели I инфинитива в основном соответствуют современной норме. Исключение составляют лишь две словоформы возвратных глаголов, образованные с помощью широко распространенного в говорах Центральной России словообразовательного суффикса *-че-*: *вардейліеche-та* ‘остерегаться-INF’ и *ушшалдуче-та* ‘обещаться-INF’ (ср. литер. *vardeilieči-e, uššalduači-e; авкотталіечі-е* ‘являться-INF’, *валмистуаччі-е* ‘готовиться-INF’, *награтталіечі-е* ‘насмехаться-INF’).

Таблица 2. Образование форм I инфинитива

Показатель	Примеры
-а (38)/ -а (40)	<i>анду-а</i> ‘давать-INF’, <i>когенду-а</i> ‘исправлять-INF’, <i>макшү-а</i> ‘платить-INF’, <i>оттү-а/оттү-а</i> ‘братъ-INF’, <i>онаштү-а</i> ‘учить-INF’, <i>руаду-а</i> ‘работать-INF’, <i>манну-а</i> ‘убивать-INF’, <i>юогамтү-а</i> ‘показать-INF’ (литер. <i>andu-a, kohendu-a, makšu-a, ottu-a, opaštu-a, ruadu-a, tappu-a, juohattu-a</i>); <i>веді-а</i> ‘вести-INF’, <i>віетті-а</i> ‘проводить время-INF’, <i>елі-а</i> ‘жить-INF’, <i>пейті-а</i> ‘прятать-INF’, <i>пиді-а</i> ‘держать-INF’, <i>міеді-а</i> ‘знать-INF’, <i>шюомті-а</i> ‘кормить-INF’, <i>амті-а</i> ‘оставить-INF’ (литер. <i>vedi-ä, vietti-ä, eli-ä, peitti-ä, pidi-ä, tiedi-ä, šyötti-ä, jätti-ä</i>)
-о (4)	<i>гавкү-о</i> ‘ругать-INF’, <i>качкү-о</i> ‘смотреть-INF’, <i>кискү-о</i> ‘вырывать-INF’, <i>шанү-о</i> ‘сказать-INF’ (литер. <i>haukku-o, kačču-o, kisku-o, šanu-o</i>)
-е (14)	<i>валмистүаччі-е</i> ‘готовиться-INF’, <i>ваннуочі-е</i> ‘клясться-INF’, <i>віері-е</i> ‘верить-INF’, <i>лашкі-е</i> ‘пускать-INF’, <i>луаді-е/луаді-е</i> ‘делать-INF’, <i>лугі-е</i> ‘читать-INF’, <i>награтталієчі-е</i> ‘насмехаться-INF’, <i>святмі-е</i> ‘освящать-INF’ (литер. <i>valmistuači-e, vannuoči-e, vieri-e, laški-e, luadi-e, lugi-e, nagratteliēči-e, svätti-e</i>)
-ва (1)	<i>кав-ва</i> ‘ходить-INF’ (литер. <i>käy-vä</i>)
-га (2)/ -га (1)	<i>шүа-га</i> ‘получать-INF’ (литер. <i>šua-ha</i>); <i>на-га</i> ‘видеть-INF’ (литер. <i>nä-hä</i>)
-йа (4)	<i>вій-а</i> ‘уносить-INF’, <i>вардей-а</i> ‘сторожить-INF’ (литер. <i>vii-jä, vardei-ja</i>)
-ла (22)/ -ла (1)	<i>кумаррел-ла</i> ‘молиться-INF’, <i>куўнел-ла</i> ‘слушать-INF’, <i>ол-ла/ол-ла</i> ‘быть-INF’, <i>тул-ла</i> ‘приходить-INF’ (литер. <i>kumarrel-la, kuunnel-la, ol-la, tul-la</i>); <i>тіетел-ла</i> ‘навещать-INF’ (литер. <i>tietel-lä</i>)
-на (3)	<i>пан-на</i> ‘положить-INF’ (литер. <i>pan-na</i>)
-са (2)	<i>пайс-са</i> ‘говорить-INF’ (литер. <i>pais-sa</i>)
-та (19)	<i>вара-та</i> ‘остерегаться-INF’, <i>еро-та</i> ‘расставаться-INF’, <i>майни-та</i> ‘упоминать-INF’, <i>пако-та</i> ‘просить-INF’, <i>пуа-та</i> ‘уйти-INF’, <i>шүва-та</i> ‘любить-INF’ (литер. <i>vara-ta, ero-ta, maini-ta, pako-ta, puu-ta, šuva-ta</i>)

II инфинитив с падежным показателем инессива (*-сса/-шша*) представлен редкими примерами, деформирующими образование словоформы двумя следующими традиционными для собственно карельского наречия способами:

- путем присоединения падежного окончания напрямую к форме I инфинитива одноосновных глаголов с конечными дифтонгами: *войду-а-сса* ‘мазать-INF-IN’, *оттү-а-сса* ‘братъ-INF-IN’, *тойву-о-сса* ‘желать-INF-IN’ (литер. *voidu-a-s’s’a, toivu-o-s’s’a, ottu-a-s’s’a*);
- с помощью показателя *-е* от глаголов с одиночным гласным в ауслауте I инфинитива: *тіет-е-шша* ‘знать-INF2-IN’ (литер. *tiet-e-ššä*). Присоединение показателя при этом влечет выпадение этого гласного.

Показатель **III инфинитива** *-ма/-ма-* (14 фиксаций) следует за сильной гласной основой глагола, а к нему уже присоединяются падежные окончания. Ожидаемо наиболее частотной является продуктивная форма иллатива с окончанием *-хъ*, например: *пйашт-ма-хъ* ‘спасать-INF3-ILL’, *руада-ма-хъ* ‘работать-INF3-ILL’, *сүди-ма-хъ/сүүди-ма-хъ* ‘судить-INF3-ILL’, *тирпа-ма-хъ* ‘терпеть-INF3-ILL’, *шүүренд-ма-хъ* ‘увеличивать-INF3-ILL’ (литер. *piäštä-mä-h, ruada-ma-h, suudi-ma-h, tirpa-ma-h, šuurenda-ma-h*). Также зафиксированы формы абессива на *-тта*: *віарумт-ма-тта* ‘искажать-INF3-AB’, *міеда-ма-тта* ‘знать-INF3-AB’ (литер. *viärittä-mä-ttä, tiedä-mä-ttä*). Образование данных форм соответствует современной норме.

Особого внимания заслуживает нерегулярная лабиализация конечного гласного *e* лексической основы глагола в положении перед аффиксом III инфинитива: *кумардело-ма-хъ* ‘молиться-INF3-ILL’, *куоло-ма-хъ* ‘умирать-INF3-ILL’, *кашкіо-ма-хъ* ‘просить-INF3-ILL’, *туло-ма-хъ* ‘приходить-INF3-ILL’ (ср. *кумарделе-нь* ‘молиться-1SG’, *кашше-0* ‘просить-IMP.2SG’), но не в позиции после аффрикаты — *туннуштүачче-ма-хъ* ‘знакомиться-INF3-ILL’ (литер. *kumardele-ma-h, kuole-ma-h, käške-mä-h, tule-ma-h, tunnuštuače-ma-h*). Двойственное распределение лабиализации может быть связано с артикуляционными особенностями смычно-взрывных фонем, однако дефицит примеров не позволяет сделать каких-либо более определенных выводов. На соответствующей карте из диалектной базы карельского языка⁹ в большей части тольмачевских говоров, за исключением западных и ряда центральных, лабиализация не представлена, в отличие от основной массы говоров собственно карельского наречия.

⁹ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1404/map>

3.2. Причастия

Для причастий карельского языка характерно наличие категорий залога (пассивные и активные) и времени (настоящее (I причастие) и прошедшее (II причастие)). В анализируемом источнике зафиксированы три из четырех возможных форм (см. таблицу 3).

Таблица 3. Образование форм причастий

Форма	Показатель	Примеры
I прич. актива	-А (34 ¹⁰)	<i>анда-А</i> ‘давать-АСТ.ПТСР.ПРС’, <i>оли-А</i> ‘быть-АСТ.ПТСР.ПРС’, <i>паренда-А</i> ‘лечить-АСТ.ПТСР.ПРС’, <i>тиедА-А</i> ‘знать-АСТ.ПТСР.ПРС’, <i>луади-А-хъ/луаді-А-хъ</i> ‘делать-АСТ.ПТСР.ПРС-ILL’, <i>пидА-А-хъ</i> ‘держать-АСТ.ПТСР.ПРС-ILL’, <i>шуваччи-А-на</i> ‘любить-АСТ.ПТСР.ПРС-ESS’, <i>тахто-А-на</i> ‘хотеть-АСТ.ПТСР.ПРС-ESS’, (литер. <i>anda-ja, oli-ja, parenda-ja, tiedä-jä, luadi-ja-h, pidä-jä-h, šuvačči-ja-na, tahto-ja-na</i>)
II прич. актива	-нүть (1)/ *-нютъ ¹¹ , *-ннүть / *-ннютъ , -нъ (1)	<i>ерон-нүть</i> ‘расставаться-АСТ.ПТСР.ПСТ’, <i>шюндю-нню-хъ</i> ‘родиться-АСТ.ПТСР.ПСТ-ILL’, <i>рыккуче-ннү-зі-е</i> ‘портиться-АСТ.ПТСР.ПСТ-PL-PRT’, <i>оттыиче-нъ</i> ‘приниматься-АСТ.ПТСР.ПСТ’ (литер. <i>eron-nut, šyndy-nnyö-h, rikkuoče-nnu-zi-e, ottieče-n</i>)
II прич. пассива	-тту (9 ¹²)/ -ттю (1), -тү (3)/ *-тю , *-дү/-дю (1)	<i>канне-тту</i> ‘носить-PASS.ПТСР.ПСТ’, <i>каткье-ттю</i> ‘хоронить-PASS.ПТСР.ПСТ’, <i>люйо-дю</i> ‘бить-PASS.ПТСР.ПСТ’, <i>найс-тү</i> ‘говорить-PASS.ПТСР.ПСТ’, <i>лювве-ттю-о</i> ‘найти-PASS.ПТСР.ПСТ-PRT’, <i>рикю-ттуо-нъ</i> ‘портить-PASS.ПТСР.ПСТ-GEN’, <i>рису-те-тю-лла</i> ‘крестить-PASS.ПТСР.ПСТ-AD’, <i>свати-тю-лла</i> ‘освящать-PASS.ПТСР.ПСТ-AD’ (литер. <i>kanne-ttu, kätkie-tty, lyö-dy, pais-tu, löyve-tty-ö, rikottuo-n, rissite-ttyö-llä, sväti-ttyö-llä</i>)

Формы **I причастия актива** образуются путем присоединения показателя **-А** к сильной гласной основе глагола, при этом ее конечный гласный *e* переходит в *i* (например, *оли-А* ‘быть-АСТ.ПТСР.ПРС’ (ср. *оле* ‘будь’)). Данная модель полностью соответствует современной норме и живым говорам.

Формант полной формы **II причастия актива** восстанавливается как **-(н)нүть/--(н)нютъ**. В косвенных падежах он принимает вид **-(н)нүо/--(н)ннюо-**, а во множественном числе — **-(н)нүзи/--(н)ннюзи-**. Показатель присоединяется к сильной гласной основе одноосновных или согласной основе двусловных глаголов. Использование аффикса с одиночным или геминированным *n* в формах одноосновных глаголов зависит от количества слогов в лексической основе слова: после безударного (второго) слога следует показатель **-нүть/-нютъ** (*шюндю-нню-хъ* ‘родиться-АСТ.ПТСР.ПСТ-ILL’), а после слога с второстепенным ударением (третьего) — **-ннүть/-ннютъ** (*рыккуче-ннү-зі-е* ‘портиться-АСТ.ПТСР.ПСТ-PL-PRT’). В тверских карельских говорах середины XX в., наоборот, практически повсеместно в позиции после безударного слога зафиксировано использование показателя с геминированным согласным¹³, что было принято в качестве нормы в новописьменном варианте языка (ср. литер. *šyndy-nnyun* ‘родиться-АСТ.ПТСР.ПСТ’, *anda-nnyun* ‘давать-АСТ.ПТСР.ПСТ’). Сохранение сильноступенной лексической основы перед показателем свидетельствует в пользу того, что аффикс с одиночным согласным в составе имеет более древнее происхождение. Соответственно, представленную в источнике систему следует относить к архаизмам. На это указывает и конечная огласовка форманта в примере *ерон-нүть* ‘расставаться-АСТ.ПТСР.ПСТ’. В современных толмачевских говорах (за исключением говоров Лесного и северной части Максатихинского районов)¹⁴, как и в литературной норме, утвердилась форма номинатива единственного числа с конечным **-n** (*tul-lun* ‘приходить-АСТ.ПТСР.ПСТ’).

Широко распространенная в тверских говорах краткая форма II причастия актива с показателем **-нъ** представлена в тексте единственным примером: *оттыиче-нъ* ‘приниматься-АСТ.ПТСР.ПСТ’ (< *оттыиче* ‘приниматься’).

II причастие пассива от многосложных одноосновных глаголов образуется при помощи показателя **-тту/-ттю**, присоединяющегося к слабой основе, при этом происходит переход гласных [a] и [ä] в [e] (например, *кирьюте-тту* ‘писать-PASS.ПТСР.ПСТ’, ср. литер. *kirjuta-n* ‘писать-1SG’). В остальных глагольных типах используются показатели **-тү/-тю**, **-дү/-дю**. При словоизменении причастия гласный компо-

¹⁰ Учтены также субстантивированные причастия.

¹¹ Под * отмечены восстановленные формы номинатива единственного числа.

¹² Учтены причастия, входящие в состав сложных временных форм глагола.

¹³ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1410/map>

¹⁴ <http://murreh.krc.karelia.ru/ques/question/1412/map>

нент форманта переходит в расширяющийся дифтонг (например, *рикю-ттю-нь* ‘портить-PASS.PTCP.PST-GEN’, но *риските-тю-лла* ‘крестить-PASS.PTCP.PST-AD’ и *свати-тю-лла* ‘освящать-PASS.PTCP.PST-AD’). Данные формы также полностью соответствуют современным диалектным материалам.

4. Выводы

Анализ системы глагольного словоизменения памятника письменности «Переводъ нѣкоторыхъ молитвъ и сокращеннаго катихизиса на Корельскій языкъ» 1804 г. в сравнении с карельскими диалектными материалами Центральной России середины XX в. подтвердил вывод о диалектной локализации языка перевода. Сопоставление результатов обследования фонологической, морфонологической и словоизменительных систем источника позволяет уверенно относить его язык к толмачевской группе говоров южного диалекта собственно карельского наречия карельского языка двухсотлетней давности. Этот язык еще сохранял отдельные древнекарельские архаичные черты, одновременно развивая собственные диалектные особенности.

Привлечение к работе данных по исторической морфологии карельского языка, основанных в том числе на материалах более ранних памятников карельской письменности, позволяет выделить следующие очевидные архаизмы в глагольной словоизменительной системе языка анализируемого перевода:

— образование полной формы II причастия актива с использованием форманта *-(н)нүть/- (н)нютъ*.

На архаичный характер показателя указывает как его конечный согласный *тъ*, так и начальный одиночный *н* в формах одноосновных глаголов с двусложной лексической основой;

— употребление аффикса имперфекта с кратким *-и/-ы*;

— использование лично-числового окончания 3-го лица единственного числа презенса индикатива *-въ*;

— выражение значения 3-го лица единственного числа презенса индикатива односложных глаголов с нисходящими дифтонгами в основе формой 2-го лица единственного числа.

К инновационным чертам относятся:

— отсутствие фиксаций в соответствующих формах показателей 1-го лица множественного числа с одиночным согласным в составе, что указывает на северо-восточный толмачевский ареал;

— лабиализация конечного гласного *е* основы глагола перед показателем III инфинитива *-ма/-ма-*.

По данному явлению, имеющему фонологический характер, говор-источник, напротив, тяготеет к юго-западным толмачевским говорам.

Совпадение языка перевода по выявленным редким инновациям то с современными юго-западными, то с северо-восточными группами толмачевских говоров может указывать на изменения, произошедшие в диалектной системе региона за прошедший период времени. Нельзя исключать также, что источником для перевода мог послужить некий переходный между двумя группами центральный говор, обнаруживающий диалектно-дифференцирующие черты обеих групп, что объясняло бы наблюдаемую вариативность.

Кроме проанализированного источника, по тверским говорам сохранилось несколько более поздних крупных памятников XIX в. Их диалектная локализация не вызывает сомнений благодаря наличию точных сведений об авторах. Восстановление детальной истории развития диалектной системы тверских карельских говоров за последние два столетия и, вероятно, уточнение сделанных в настоящей работе выводов станут возможными при привлечении этих тестов.

Сокращения

1 — 1-е лицо

2 — 2-е лицо

3 — 3-е лицо

AB — абессив

ACT — актив

AD — адессив

COND — кондиционал

ESS — эссив

GEN — генитив

IMP — императив

IMPERS — имперсонал

IN — инессив

INF — I инфинитив

INF2 — II инфинитив

INF3 — III инфинитив

ILL — иллатив

PASS — пассив

PL — множественное число

PRS — презенс

PRT — партитив

PST — имперфект

PTCP — причастие

SG — единственное число

Л и т е р а т у р а

- Адель 1995 — *Е. Л. Адель*. Система глагольного словоизменения паданского говора карельского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Зайков 2000 — *П. М. Зайков*. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.
- Новак 2025а — *И. П. Новак*. Именная морфология первого печатного памятника тверской карельской письменности // Труды Института системного программирования РАН. 2025, 4. С. 199—214.
- Новак 2025б — *И. П. Новак*. Карельский языковой ландшафт в диалектометрической парадигме. Петрозаводск, 2025.
- Новак 2025в — *И. П. Новак*. Фонологическая система памятника тверской карельской письменности 1804 г. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025, 4. С. 537—552.
- Перевод некоторых молитв 1804 — Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на Карельский язык. СПб., 1804.
- Программы 1957—1959 — Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. №№ 79—94, 105—141, 160—166. Петрозаводск, 1957—1959.
- СКЯ 1994 — Словарь карельского языка: тверские говоры. Петрозаводск, 1994.
- Тверские переводные 2020 — Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX века. Петрозаводск, 2020.
- Gromova 2022 — *L. Gromova*. Terveh! Terveh!: tverinkarielan paginakursa. Петрозаводск, 2022.
- Hakulinen 1979 — *L. Hakulinen*. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979.
- Lingvodoc 2012—2025 — Lingvodoc: лингвистическая платформа. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/>, 2012—2025.
- Murreh 2022 — Murreh: диалектная база карельского языка. URL: <http://murreh.krc.karelia.ru/>, 2022.
- VISK 2008 — Ison suomen kieliopin verkkoversio. URL: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php>, 2008.

References

- Adel' 1995 — *E. L. Adel'*. Sistema glagol'nogo slovoizmenenija padanskogo govora karel'skogo jazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1995. {*E. L. Adel'. The system of verbal inflection in the Padany dialect of the Karelian language. Abstract of Cand. Sci. (Philology). Moscow, 1995.*}
- Gromova 2022 — *L. Gromova*. Terveh! Terveh!: tverinkarielan paginakursa. Petrozavodsk, 2022.
- Hakulinen 1979 — *L. Hakulinen*. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979.
- Lingvodoc 2012—2025 — Lingvodoc: lingvisticheskaya platforma. {Lingvodoc: linguistic platform.} <https://lingvodoc.ispras.ru/>, 2012—2025.
- Murreh 2022 — Murreh: dialektnaja baza karel'skogo jazyka. {Murreh: dialect database of the Karelian language.} <http://murreh.krc.karelia.ru/>, 2022.
- Novak 2025a — *I. P. Novak*. Imennaja morfologija pervogo pechatnogo pamjatnika tverskoj karel'skoj pis'mennosti. In: Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN. 2025, 4. S. 199—214. {*I. P. Novak. Nominal morphology of the earliest printed piece of Tver Karelian written language heritage. In: Proceedings of the Institute of System Programming of the Russian Academy of Sciences. 2025, 4. P. 199—214.*}
- Novak 2025b — *I. P. Novak*. Karel'skij jazykovoj landshaft v dialektometricheskoj paradigme. Petrozavodsk, 2025. {*I. P. Novak. Karelian linguistic landscape in the dialectometric paradigm. Petrozavodsk, 2025.*}
- Novak 2025v — *I. P. Novak*. Fonologicheskaja sistema pamjatnika tverskoj karel'skoj pis'mennosti 1804 g. In: Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2025, 4. S. 537—552. {*I. P. Novak. Phonological system of a Tver Karelian written language heritage piece dated 1804. In: Yearbook of Finno-Ugric studies. 2025, 4. P. 537—552.*}
- Perevod nekotoryh molitv 1804 — Perevod nekotoryh molitv i sokrashhennogo katehizisa na Karel'skij jazyk. Sankt-Peterburg, 1804. {Translation of some prayers and an abbreviated catechism into the Karelian language. St. Petersburg, 1804.}
- Programmy 1957—1959 — Programmy po sobiraniyu materiala dlja dialektologicheskogo atlasa karel'skogo jazyka. In: NA KarNC RAN. F. 1. Op. 5. №№ 79—94, 105—141, 160—166. Petrozavodsk, 1957—1959. {Programs for collecting material for a dialectological atlas of the Karelian language. In: SA KRC RAS. F. 1. I. 5. Nos. 79—94, 105—141, 160—166. Petrozavodsk, 1957—1959.}
- SKJa 1994 — Slovar' karel'skogo jazyka: tverskie govory. Petrozavodsk, 1994. {Dictionary of the Karelian language: Tver dialects. Petrozavodsk, 1994.}
- Tverskie perevodnye 2020 — Tverskie perevodnye pamjatniki karel'skoj pis'mennosti nachala XIX veka. Petrozavodsk, 2020. {Translated written language heritage of Tver Karelian of the early 19th century. Petrozavodsk, 2020.}
- VISK 2008 — Ison suomen kieliopin verkkoversio. URL: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php>, 2008.
- Zajkov 2000 — *P. M. Zajkov*. Glagol v karel'skom jazyke. Petrozavodsk, 2000. {*P. M. Zajkov. Verb in Karelian language. Petrozavodsk, 2000.*}